

Венчальное платье

В памяти долгая, цепкая жизнь. Она не выбрасывает минувшие дни, как листки старого календаря. Надёжно хранит всё, что не только прожито, но и пережито.

До сих пор помню такой случай. Наша Вознесенская улица дремала под лучами палящего солнца. Рабочие домики в переулке разомлели от зноя и словно ещё больше покачнулись на бок. Мы старались запустить бумажного змея, но все наши попытки были напрасны. Набегавшись и вспотев, мы расселись в тени у ворот дома Барановых и стали рыться в земле.

Вдруг, расталкивая нас, во двор вошёл гроза города полицейский Моечкин. Он направился к сеням полуподвального помещения. За ним торопливо семенил толстый, неповоротливый купец Прелов. Когда оба скрылись в тёмных сенях, мы с криками бросились за ними:

— Полицейский идёт, полицейский идёт!

А полицейский уже вошёл в комнату. В ней царил полумрак. Сырой воздух щекотал в носу. В правом углу стол и две табуретки. На печи поблёскивал начищенный самовар, а у загородки на полу приютился маленький красненький сундучок. В нём бережно хранилось единственное белое платье хозяйки квартиры, вдовы рабочего Борисовской фабрики.¹ Вот и вся домашняя обстановка.

— С вас необходимо получить по суду деньги за харчи. Но так как вы не платите, я забираю у вас имущество, — полупьяным голосом заявил Моечкин.

Плач вдовы и рёв её маленькой дочери были ответом на слова полицейского.

— Александр Петрович! Голубчик! Подождите маленько, заплачу, — сквозь слёзы молила вдова, стоя на коленях и обнимая ноги купца Прелова.

Но сытые голодным не верят.

Описав всё жалкое имущество, полицейский собрал его в кучу и полез за самоваром.

Девочка, оглядываясь, тихо пробралась к сундучку. Приоткрыв крышку, она проворно вытащила пожелтевшее с кружевами венчальное платье матери и, крепко прижимая его к груди, бросилась из двери.

Моечкин догадался. Спрыгнул со стула, забыв про самовар. Как безумная, бежала девочка. Запыхавшийся полицейский настигал её. Вот он около неё. Подставил ногу и... остановился. Девочка растянулась на земле.

Не чувствуя боли, она крепко сжимала платье.

— Не дам, не дам, мамино...

— Как ты смеешь вещи брать? После изъятия они стали казёнными... Отдай сюда, — рычал полицейский.

— Не дам... Мама, милая... Пусти, — и острые зубы девочки впились в руку Моечкина.

— Ах ты, сволочь!

Увесистая рука схватила девочку за волосы, другая мелькнула в воздухе. Раздался глухой удар, а за ним истерический вскрик.

Долго ли продолжалась эта ужасная картина — не помню, но только победителем вышел полицейский. Утирая вспотевший лоб платьем, он с гордым видом направился к дому, где у ворот с увязанными вещами его ждал Прелов. Вдова заливалась слезами.

А девочка, казалось, без чувств всё лежала на земле. На её лице выступала кровь, смешиваясь с пылью. Но вот она повернула голову, увидела уходящего полицейского и в руках его мамино платье.

**Иванов, К. И. Венчальное платье / К. И. Иванов // Коммунар. — 1968. — 26 октября. — С. 3.*

¹Так по имени её бывшего владельца купца Борисовского называли тогда фабрику Переславской мануфактуры.

Начала подниматься, хотела опереться о землю рукой, но рука попала на камень. Крепко стиснув его в маленькой ручонке, она вскочила и со всей силой бросила в полицейского. Камень просвистел в воздухе и упал в крапиву...

— Ну и сволочь. Как кошка увёртливая, — повторял Моечкин, облизывая укушенную руку.

— Готов, Александр Петрович? — спросил Прелов.

— Можно идти.

Схватив кое-как пожитки вдовы, они пошли за калитку.

Девочка не могла расстаться с венчальным платьем матери. Она побежала вслед, то выкрикивая бессильные угрозы, то, рыдая, просила отдать семейную реликвию. Бежала долго, пока тяжёлый сапог полицейского не лишил её чувств.